

Несколько дней спустя праздные богатые бездельники собрались вместе, дабы вволю повеселиться и поиграть в маджонг. Когда Чэн Фэнтай рассказал Фань Ляню о том, что приключилось в театре «Хуэйбинь», а также о полученном от второй госпожи выговоре, тот восхитился [1]:

— А моя старшая сестра в самом деле смелая! Я вот обычно гляжу, как ты, старина, вытворяешь всякие глупости, и хочется выбрать тебя как следует, но всё не решаюсь. Какая всё же всё-таки прямодушная у меня сестрица!

— Посмотрел бы я, как ты будешь меня ругать! — со смехом отозвался Чэн Фэнтай. — Что до твоей сестры, то я ценю её за добрый нрав, а в тебе что хорошего?

— Как ты можешь говорить такое! — с жаром возразил Фань Лянь. — Вспомни те годы, когда ты заполучил приданое сестры — ха, хоть это и называлось приданным, по сути то был самый настоящий раздел семейного имущества! Вы забрали себе столько золота, серебра и старинных вещей, а мне оставили голые стены! Разве я как брат сказал хоть слово против? Всё из большой любви к дорогому зятю! Тебе тоже следует лучше обо мне думать!

— И это говорит мне тот, кто содержит любовницу? — хлопнул его по спине Чэн Фэнтай. — Тебя послушать, так порядочнее тебя никого на свете нет!

— Можно подумать, я один тут содержу любовницу! — в ответ треснул его по спине Фань Лянь. — Уж кто бы говорил!

Выстроенная в китайском стиле усадьба, по которой они прогуливались, некогда принадлежала зятю императора [2], ныне же подобные резиденции массово скупались богатыми дельцами. Двое мужчин бродили по галерее, поддразнивая друг друга. Сделав очередной поворот, Чэн Фэнтай краем глаза заметил, что в цветочном павильоне напротив пруда сидит молодой мужчина в белом, изящный и утончённый — при виде второго господина Чэна он послал ему лёгкую улыбку.

— Что это за молодой господин там с книгой? — прищурившись, спросил Чэн Фэнтай. — Что... а, похоже, этот парнишка — актёр!

Украдкой бросив взгляд через очки, Фань Лянь рассмеялся:

— Это тебе не какой-то там парнишка! Старший зять, может, тебе очки одолжить? Ты только что говорил о нём целую вечность, а теперь в лицо не узнаёшь!

На лице его собеседника отразилась растерянность, и Фань Лянь хлопнул его по плечу:

— Это же Шан Сижуй!

Сдвинув брови, Чэн Фэнтай как следует присмотрелся и наконец покачал головой:

— Неужто это он? Ни капли не похож.

— Так уж и не похож?

— В тот день мне казалось, что каждое его движение исполнено женственности, его глазами на меня будто смотрела сама Ян-гуйфэй. А сегодня он внезапно перевоплотился в усердного школяра!

— Так и есть. В этом суть актёра, — кивнул Фань Лянь.

Стоя в галерее, Чэн Фэнтай вновь пристально взгляделся в Шан Сижую.

После ужина хозяин дома пригласил гостей сыграть в маджонг. В одном из трёх смежных залов слушали пение под большой барабан [3], в двух других — играли в маджонг и бридж, в саду же раскинулась танцевальная площадка — одним словом, тут были увеселения на самые взыскательные вкусы. После того, как Чэн Фэнтай пару раз перекинулся в бридж, Фань Лянь затащил его играть в маджонг. Шан Сижуй же всё это время просидел с хозяином дома в закутке за сценой. Слушая сказ под большой барабан, он время от времени напевал пару строк себе под нос. Подобные представления были ему по душе, он и сам при желании мог бы это исполнить.

Хозяин дома, почтенный господин Хуан, разменял шестой десяток. Живя в бывшей резиденции династии Цин, он обставил дом мебелью в западном стиле, носил двубортную китайскую куртку и отдавал предпочтение блюдам европейской кухни — иными словами, он представлял собой нечто среднее между китайцем и европейцем, как, собственно, и сам Чэн Фэнтай. От старости взгляд господина Хуана помутнел, кожа лица утратила блеск, Шан Сижуй же лучился цветущей свежестью юности — сидя рядом, они походили на отца с сыном.

— А не споёт ли нам Шан-лаобань разок под большой барабан? — с улыбкой спросил господин Хуан, похлопав Шан Сижую по тыльной стороне кисти.

— Что вы, это ремесло совсем по другую сторону горы от моего [4], — ответил Шан Сижуй. — Я собьюсь, куда уж мне.

Девушка, исполнявшая сказ под аккомпанемент барабана, слегка склонила голову и, пристально глядя на них, вслушивалась в беседу.

— Ты знаешь, кто это? — с улыбкой спросил у неё господин Хуан, пожимая руку молодого человека. — Это Шан Сижуй-лаобань.

На лице девушки отразилось изумление, она обернулась к Шан Сижую, глядя на него

сияющими глазами.

— И как это я не признала! А ведь я большая поклонница Шан-лаобаня! — Топнув ножкой, она посетовала: — Ай-яй-яй! Выходит, вы, господин Хуан, позвали меня сегодня, лишь чтобы поднять на смех! Чтобы я осрамилась перед великим артистом!

Все рассмеялись, Шан Сижуй тоже улыбнулся и, высвободив руку из пальцев господина Хуана, подошёл к девушке, чтобы отвесить ей поклон:

— Что вы, помилуйте! Как я уже говорил, наши ремёсла находятся по разные стороны гор, и на своей стороне горы барышня тоже великая артистка.

В обычной жизни Шан Сижуй вёл себя весьма сдержанно, к тому же, чтобы поберечь горло, он редко принимал участие в такого рода шумных вечеринках — в конце концов, он не принадлежал к кругу людей, склонных к чувственным наслаждениям. Потому многие из присутствующих лишь слышали его имя, но никогда не видели его вне сцены. Сегодня, повстречав его вживую, в истинном облике, без грима, ему прямо-таки не давали проходу — каждый подыскивал слова, дабы завести с ним беседу, и всё неизменно заканчивалось тем, что его просили спеть. Шан Сижуй же совершенно не желал этого делать — за последнюю пару дней заметно похолодало, из-за чего старый недуг вновь дал о себе знать, так что его гортань была не столь подвижна. Однако это не снимало с него обязанностей — ведь, сколько бы его ни нахваливали, он оставался всего лишь актёром, а значит, должен был во что бы то ни стало сохранять оживлённый вид — такова уж его доля.

— Что желают послушать милостивые господа? — медленно поднимаясь на ноги, спросил Шан Сижуй. — Быть может, «Веер с персиковыми цветами [5]»?

Возражений не последовало, и Шан Сижуй запел. Его голос пронзил дом, будто серебряный кувшин, заглушив голоса танцующих в саду. Молодые люди тотчас прекратили танцевать, устремив взгляды туда, откуда исходило пение. Глубокой осенней ночью чистый голос взмывал прямо к ясной луне и разбросанным по небосводу звёздам, достигая девятых небес, порождая необычайно свежее чувство, раскрывая сознание. Любой вальс в сравнении с этим пением показался бы хаотичным нагромождением звуков, вульгарным и оскорбляющим слух. Казалось, лишь льдистый голос [6] Шан Сижуйа был достоин того, чтобы звучать под этим прекрасным лунным небом — будто небожительница Чангэ [7] простёрла рукава во Дворце лунного холода, соединив песней небо и земную юдоль.

Оживлённая болтовня в комнате для игры в маджонг постепенно затихла, все прислушивались к арии. Этот голос был столь ясным и чистым, что, казалось, рассеивал клубившийся в залах дым. Чэн Фэнтай также слушал, куря сигарету — на сей раз пение Шан Сижуйа породило у него необъяснимое чувство, будто он повстречался со старым другом, очень тёплое и личное.

Как только ария отзвучала, танцевавшие в саду молодые господа и барышни, обгоняя друг друга, бросились в дом. Возглавлявшая их девушка, устремив пристальный взгляд на Шан Сижуйа, подлетела к господину Хуану и принялась ластиться к нему:

— Папенька, а, папенька, можно нам ненадолго одолжить этого актёра, совсем ненадолго!

— Называй его Шан-лаобань! — велел ей господин Хуан.

— Хорошо, хорошо, Шан-лаобань так Шан-лаобань. Я забираю Шан-лаобаня с собой, вот! Верну его тебе немного погодя! — ответила она, целуя отца в щёку.

Молодые люди и девушки без лишних слов принялись подталкивать Шан Сижую к дверям. Господин Хуан, коснувшись щеки, на которой остался аромат духов дочери, сказал собравшимся вокруг него:

— Уму непостижимо, где это вы видели молодых людей, разбирающихся в опере?

— Я не хожу в театр, поскольку не видел там ничего хорошего, — со смехом отозвался один из гостей. — Узрев своими глазами, каков из себя Шан-лаобань — хорош собой, и исполнение его просто безупречно — как же можно его не полюбить? — Те, чьим ушам предназначались эти слова, тотчас углядели в них какую-то смутную двусмысленность. Господин Хуан согласился с говорившим, пощипывая себя за бороду и прищурился смеющимися глазами.

Покидающий главный зал в сопровождении пышной свиты Шан Сижуй показался Чэн Фэнтаю невероятно хрупким, его силуэт был подобен трепещущей в свете луны серебристой тени — он напоминал покрытые инеем тонкие ветви ивы, очаровательные в своём изяществе. В сравнении с ним руки прилипшей к нему барышни Хуан казались толстыми, а густой аромат её духов — вульгарным; в целом она производила впечатление весьма неотёсанной старшей сестрицы. Проходя через зал для игры в маджонг, барышня Хуан заметила Чэн Фэнтая и тут же бросилась к нему, обхватив за шею:

— Второй господин Чэн, побудьте немного с нами, составите мне пару в танце!

От толчка Чэн Фэнтай качнулся вперёд, при этом его сигарета чуть не обожгла тыльную сторону ладони девушки. Поспешно сделав пару затяжек, он потушил сигарету, заявив:

— Не пойду!

— Почему же, почему? — принялась жеманничать девушка. — Вы ведь так хорошо танцуете!

— Так и есть! — с улыбкой отозвался Чэн Фэнтай, ущипнув её за щёчку. — А раз я и так отменно танцую, то не вижу смысла заниматься этим — лучше попрактикуюсь с костяшками.

— Барышня, не стоит трогать второго господина! — сказал кто-то рядом. — Сегодня он не прихватил с собой младшую сестру, и без своей счастливой звезды он как сел за стол, так без остановки проигрывает. Всё проиграл, уже и глаза покраснели, так что ему нипочём не встать из-за стола.

— В таком случае, ты пойдёшь со мной, Фань Лянь! — заявила барышня Хуан, вздёрнув подборок.

Сегодня Фань Лянь вновь был противником Чэн Фэнтая, и столь сосредоточенно вглядывался в костяшки, что глаза покраснели как раз-таки у него.

— Я тоже не пойду! — отрезал он.

— Эй, ты! — барышня Хуан возмущённо вскинула совершенные брови, походящие на листья ивы.

— Братцу Ляню сегодня удача подвалила, — со смехом отозвался кто-то из присутствующих. — Похоже, он вознамерился оставить своего старшего зятя без штанов! Ему тем более не встать из-за стола! Барышня, ступайте забавляться в сад, а то тут накурено и душно, эдак вы совсем задохнётесь!

Смерив Фань Ляня пристальным взглядом, барышня Хуан наконец отпустила Чэн Фэнтая и ушла веселиться в сад. Какое-то время спустя чистый голос Шан Сижую зазвучал вновь — он пел какую-то незнакомую арию, весьма похожую на «Куртизанку Юй Танчунь» [8].

Чэн Фэнтай вновь закурил, искоса глянув на Фань Ляня.

— А ты почему не пошёл повеселиться с ней? Побоялся, что барышня Хуан на тебя глаз положит?

— Сидишь в приличном доме, а болтаешь всякий вздор о дочери хозяина! — наградил его гневным взглядом Фань Лянь. — Я не пошёл танцевать, потому что хочу отыграться за прошлые поражения. А сам-то — не желаешь сдавать позиции, даже оказавшись в столь жалком положении, неужто и впрямь так дорожишь своими штанами?

— А что я? — парировал Чэн Фэнтай. — Мне не по душе проводить время с малолетками.

— Вот тут вы не правы, — услышав его слова, возразила сидевшая рядом за столом вторая жена господина Хуана. — Нашей барышне только что исполнилось семнадцать, а вам, второй господин, сколько? Двадцать два или двадцать три? Всего-то несколько лет разницы, а строите из себя старика!

— Дело не только в возрасте, — вздохнул Чэн Фэнтай. — Я чувствую себя старым и достаточно богатым, чтобы быть отцом барышне Хуан. — От этих слов все в комнате точно отведали тофу [9].

— Ну так станьте ей отцом, — лучезарно улыбнулась вторая жена господина Хуана, — вы же такой красавчик, что умереть не встать.

— Позволь присоединиться к тебе, — вслед за ним вздохнул Фань Лянь, — я тоже чувствую себя старым.

При этом оба вновь вздохнули в унисон.

Чэн Фэнтаю в юном возрасте пришлось испытать на себе переменчивость человеческого расположения [10]. Вынужденный в одиночестве вариться в деловых кругах [11], в душе он стремительно постарел на многие годы. Что же до Фань Ляня, то, будучи сыном младшей жены в старорежимной семье, он с детства привык держать «брови вверх, глаза долу [12]», став человеком прозорливым и находчивым. Хотя им обоим было едва за двадцать, они предпочитали водить компанию с людьми средних лет, благодаря гибкости ума [13] чувствуя себя среди них как рыба в воде, так что никто не дерзнул бы смотреть на них свысока.

Вечеринка минула рубеж в десять вечера, а Шан Сижуй всё ещё был в саду — то пел, то брал передышку. Чэн Фэнтай к этому времени успел проиграться на три тысячи — он уже отсидел себе весь зад, да и голова потяжелела. Залпом допив остатки чая, он погасил сигарету и поманил рукой племянника жены господина Хуана.

— Поди-ка сюда! Племянничек, смени меня, поиграй, а пока схожу освежиться.

— Какой он тебе племянничек, он тебя на три года старше! — вновь припечатала его вторая жена господина Хуана. — Хватает же нахальства!

— Не смей уходить, зятёк! — воскликнул Фань Лянь, хлопнув ладонью по столу. — Как проигрываешь, так сразу спешишь отлить!

Схватив пару фишек, Чэн Фэнтай постучал ими по голове шурина.

Сад был сплошь увешан разноцветными фонариками. Прекратив танцевать, девушки и молодые люди плотным кольцом окружили исполняющего арию Шан Сижую. Взглянув на них, Чэн Фэнтай заметил захмелевшие от восторга взоры — было ясно, что куда сильнее, чем сама опера, их внимание привлёк исполняющий её человек. Само по себе серебрящееся под луной одеяние было довольно неприметным, однако сочетание снежно-белого с брошью в виде ветви ранних ярко-красных цветов дикой сливы было необычайно оригинальным, тут же бросааясь в глаза. В руке он держал складной веер, в котором, казалось, собралось дивное многоцветье со всей страны. В сравнении с выступлением на сцене для Шан Сижую это было куда более утомительно, ведь здесь ему не на кого было опереться, чтобы передохнуть.

— Барышня Хуан, я больше не в силах петь, — наконец взмолился он.

— Тогда давайте потанцуем! — С этими словами она протянула руки Шан Сижую, вознамерившись против его желания станцевать с ним под очередную мелодию.

Тот растерялся, не видя возможности принять приглашение барышни Хуан — если выбирать между пением и танцами, то он бы лучше спел.

— Тогда... Позвольте мне исполнить ещё одну арию для молодых господ.

Чэн Фэнтай глядел на это с улыбкой, думая о том, что эти современные барышни совершенно забыли стыд — казалось, своей болтовнёй и приставаниями они вот-вот замучают Шан Сижую до смерти. Тогда Чэн Фэнтай решил сделать доброе дело — вновь «пожертвовать собой, дабы спасти красавицу». Пройдя сквозь толпу, он со смехом бросил:

— Господин Хуан ждёт Шан-лаобаня уже целую вечность, а вы всё держите его здесь? А ну-ка, расходитесь — приходите в театр, там и слушаете!

Чтобы избежать перепалки с барышней Хуан, он сделал шаг вперёд и, схватив Шан Сижую, тут же испарился. Барышня Хуан, у которой из рук только что ускользнули двое мужчин, в досаде притопнула ножкой.

Держа в руке тонкое запястье Шан Сижую, Чэн Фэнтай чувствовал, что оно слегка прохладное на ощупь, будто его плоть вырезана из нефрита. На его лице также застыло сдержанно-вежливое выражение — порой оно казалось словно бы отсутствующим. Всё это, в сочетании с неторопливой речью, ни на йоту не походило на того жестокого соблазнителя из сплетен — в сравнении с Фань Лянем и Шан Цзыюнем он куда сильнее походил на порядочного интеллигентного студента.

Чэн Фэнтай провёл Шан Сижую сквозь парк. Перейдя через небольшой мостик, они достигли уютящегося в дальнем углу прудика.

— Шан-лаобань в самом деле пошёл у них на поводу, — с улыбкой бросил Чэн Фэнтай, — и пел больше часа — я даже на слух почувствовал, что вы до смерти устали.

Шан Сижуй с лёгкой улыбкой хотел было что-то сказать, но, казалось, голос ему не подчинялся. Нахмурившись, он, задыхаясь, попытался что-то выдать, но Чэн Фэнтай махнул рукой:

— Эй, не надо ничего говорить! Я тоже сбежал, так что давайте просто побудем здесь в тишине и покое. — Подозвав проходящую мимо служанку, он с лёгкой улыбкой попросил:

— Позволю себя побеспокоить барышню просьбой подать нам чаю.

Спустя некоторое время служанка принесла горячий чай, и Чэн Фэнтай собственноручно подал чашку Шан Сижую. Тот никогда не пил и не ел сластей вне дома из боязни, что кто-то может причинить вред его горлу, и эти опасения были отнюдь не беспочвенны — ведь некогда его учителю и близкому другу [14] Нин Цзюлану уже навредили подобным образом. Поскольку

его тело было источником славы и денег, он не мог позволить себе ослабить бдительность. Но когда сегодня Чэн Фэнтай подал ему чашку, на Шан Сижую отчего-то снизошло ощущение полного спокойствия и безопасности. Сидя на каменной лавке, он медленно пил чай, чувствуя, как в горло проникает живительное тепло. Чэн Фэнтай набрал пригоршню камушков и, встав на берегу прудика, принялся играючи швырять их в воду. Избрав своей мишенью перевёрнутое отражение луны в воде, подобное сияющему нефритовому блюду, он тотчас разбил его на осколки. Эти двое в самом деле пребывали в тишине и покое, даже не думая разговаривать. Сбежав от шумной толпы, они наслаждались веющим с лotosового пруда ветерком, но при этом их не оставляло чувство, будто всё это происходит во сне. Шан Сижуй смотрел на очерченный светом луны силуэт Чэн Фэнтая и думал про себя, что этот младший брат Чэн Мэйсинь совсем не похож на свою старшую сестру. Такой прямодушный, жизнерадостный, чуткий и внимательный, к тому же благородный, да и лицом красивее Чэн Мэйсинь... В самом деле, он очень славный.

Внезапно Чэн Фэнтай обернулся и, встретившись с ним взглядом, улыбнулся, взвешивая в руке камушек.

Некоторое время они провели в молчании, но тут один из гостей, выйдя к ним, захохотал, хлопая в ладоши:

— А, так вот где спрятался второй господин Чэн, вон куда забрался! Ваш шурин повсюду вас ищет, всех на ноги поднял!

— Придётся возвращаться. — Повернувшись к Шан Сижую, Чэн Фэнтай с улыбкой приподнял бровь. — Похоже, сегодня с меня-таки снимут последние штаны. А вы как?

— Пожалуй, пойду с вами. Я уже отказывал господину Хуану много раз, поэтому сегодня во что бы то ни стало надо продержаться до конца, — ответил Шан Сижуй.

— Тогда садитесь рядом со мной, — со смехом сказал Чэн Фэнтай, — и тогда больше никто не посмеет вас побеспокоить.

Шан Сижуй кивнул.

Примечания переводчика:

[1] Восхитился — в оригинале чэньюй 拍手稱快 (pāishǒu chēngkuài) — обр. в знач. «хлопать в ладоши от радости», обр. в знач. «бурно выражать восторг».

[2] Зять императора, или муж принцессы 驸 (fù) — эфу — традиционный маньчжурский титул.

[3] Пение под большой барабан 大鼓 (dàgǔ) — дагу — вид исполнения, сказ-декламация с пением под барабан.

[4] Это ремесло совсем по другую сторону горы от моего — 隔行如隔山 (géháng rú géshān) — идиома, означающая, как далеки друг от друга разные профессии, и что в чужом деле человек ничего не смыслит.

[5] Веер с персиковыми цветами 桃华扇 (táo huā shàn) — известная опера Кун Шанжэня 孔尚任 (Kǒng Shàngrèn) (1648-1718), в которой рассказывается история любви учёного Хоу Чаоцзуна и куртизанки Ли Сянцзюнь на фоне заката династии Мин. Молодой человек дарит возлюбленной веер в качестве обручального подарка, но после этого учёного обманывает сановник, из-за чего влюблённые вынуждены расстаться, после чего они неоднократно встречаются и расходятся вновь.

[6] Льдистый голос — в оригинале 冰心 (bīnghuā) — в букв. пер. с кит. «лёд и снег», обр. в знач. «чистый, ясный, светлый».

[7] Чанъэ 嫦娥 (Cháng'é) — персонаж китайской мифологии, в даосизме почитается как богиня Луны. Ей посвящён Праздник середины осени, отмечаемый на пятнадцатый день восьмого месяца по лунному календарю. Супруга стрелка И, уничтожившего девять из десяти солнц, сжигавших землю. После того, как Чанъэ съела эликсир бессмертия, предназначавшийся её мужу, она вознеслась на Луну, где компанию ей составляет лишь лунный заяц, который толчёт в ступе эликсир бессмертия. Чанъэ живёт во Дворце великого холода 广寒宫 (guǎnghángōng).

[8] «Куртизанка Юй Танчунь» 玉堂春 (Yù Tángchūn) — с этой оперой девятнадцатилетний Мэй Ланьфан добился большого успеха в Шанхае в 1913 г.

Настоящее имя жившей во времена династии Мин куртизанки Юй Танчунь — Су Сань, она родилась в провинции Шаньси и почти десять лет обучалась искусству петь, танцевать, писать стихи.

Сын одного из императорских чиновников по имени Ван Цзинлун влюбился в неё без ума и даже переехал жить к ней в весёлый дом, но за год растратил все свои деньги и был вынужден обратиться восвояси. В результате бедолага стал нищим попрошайкой и нашёл приют в одном из храмов. Позже Юй Танчунь нашла своего возлюбленного и убедила его вернуться домой к родителям.

Спустя некоторое время Юй Танчунь стала наложницей богатого купца Шэнь Яньлиня, где она оказалась невольной свидетельницей любовных утех жены купца с молодым слугой, и та попыталась отравить наложницу, добавив яд в лапшу, однако эту лапшу съел её муж.

В смерти Шэнь Яньлиня обвинили Юй Танчунь, и когда для утверждения приговора её доставили в Тайюань, столицу провинции Шаньси, там в суде она встретила своего давнего возлюбленного Ван Цзинлуна. Ему удалось снять обвинения с Юй Танчунь, после чего он взял её в жены.

[9] Тофу 豆腐 (dòufu) — доуфу, бобовый сыр или соевый творог.

[10] Переменчивость человеческого расположения — в оригинале чэньюй 人情冷暖 (rén qíng lěng nuǎn) — в пер. с кит. «тепло и холод людских отношений», обр. в знач. «изменение отношений» (например, из-за изменившегося социального положения).

[11] Вариться в деловых кругах — в оригинале чэньюй 摸爬滚打 (mō pá gǔn dǎ) — в пер. с кит. «ползать и вертеться», обр. в знач. «надрываться, рвать пупок».

[12] Брови вверх, глаза долу — в оригинале чэньюй 眉高眼低 (méi gāo yǎn dī) — обр. в знач. «способность приспосабливаться к разным обстоятельствам»

[13] Гибкость ума — в оригинале чэньюй 八面玲珑 (bā miàn líng lóng) — в букв. пер. с кит. «восемь сторон искусности», обр. в знач. «оборотистый; изворотливый», где 玲 (líng lóng) — букв. «звон нефритовой таблички с изображением дракона».

[14] Учитель и близкий друг — в оригинале чэньюй 亦师亦友 (yì shī yì yǒu) — в пер. с кит. «и наставник, и товарищ», означает дружеские отношения между учителем и учеником.

<http://bllate.org/book/17750/1660358>